

имѣнїи около Ревеля. Это тоже хорошая партїя: онъ дипломатъ, богатъ и съ большими связями. Мэри восемнадцать лѣтъ и пора пристроить дѣвочку, а у баронессы оба эти претендента встрѣтятъ ее. Можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ?

Суровцевъ задумчиво покачалъ головой.

— Ты права, Нита! Соображенїя твои очень заманчивы и я не имѣлъ бы рѣшительно ничего противъ нихъ, если бы не Вадимъ Викторовичъ... Двусмысленная или, вѣрнѣе, не двусмысленная роль его въ домѣ баронессы коробитъ меня и я не знаю, право, удобно ли сближать Мэри съ такимъ семействомъ.

Анна Петровна съ минутой задумалась.

— Конечно, съ одной стороны, ты — совершенно правъ, Миша. Роль Вадима Викторовича относительно баронессы — «секретъ полишинеля»; но, наружно, приличїя вполнѣ соблюдены, а я считаю Мэри слишкомъ чистой натурой, чтобы подозрѣвать истину. Вспомни только, вѣдь Вадимъ Викторовичъ — другъ барона; притомъ, онъ — врачъ, а благодаря этому вдвойнѣ охраняетъ ввѣренную ему семью. Докторъ временно состоитъ опекуномъ дѣтей, и этимъ вполнѣ объясняются его слишкомъ частыя и продолжительныя посѣщенїя.

— Все это прекрасно, съ внѣшней стороны; но, между нами говоря, глупо было бы со стороны барона отправиться путешествовать по Индіи. Уже болѣе двухъ лѣтъ онъ отсутствуетъ, обрекая жену на вдовство; а баронесса еще во цвѣтѣ лѣтъ: ей съ небольшимъ тридцать пять, и близость такого красиваго и умнаго человѣка, какъ докторъ Заторскій, представляетъ большую опасность.

— Полно! Послѣ пятнадцатилѣтняго супружества, имѣя дочь тринадцати и сына один-

надцати лѣтъ, можно вполне успокоиться и, не ставя мужу роговъ, позволить ему осуществить мечту всей его жизни: посѣтить Индію, эту страну чудесъ, — насмѣшливо возразила Анна Петровна. — Впрочемъ, баронъ предлагалъ женѣ сопутствовать ему, но та отказалась, предпочитая вѣроятно общество Вадима Викторовича. О, прелестный докторъ очень милъ, такъ добросовѣстно исполняя возложенную на него другомъ обязанность. Ха! Ха! Ха!

— Помимо этого, для меня — загадка: какимъ образомъ Заторскій, во всякомъ случаѣ умный и замѣчательно ученый человѣкъ, могъ заинтересоваться подобнымъ ничтожествомъ, какъ баронесса. Онъ могъ бы найти что-нибудь получше.

— Несомнѣнно, но мы отдалились отъ предмета: какъ рѣшишь ты насчетъ Мэри? Я общала баронессѣ дать отвѣтъ сегодня вечеромъ, посоветовавшись съ тобою. Можно-ли, не обижая твоей сестры, измѣнить наши намѣренія?

Суровцевъ подумалъ съ минуту.

— Отпусти Мэри. Надѣюсь, что въ присутствіи молодой дѣвушки у Анастасіи Андреевны хватить ума не выставлять на показъ свои отношенія къ доктору. Ты — права, говоря, что надо пользоваться случаемъ пристроить дѣвочку, а у Вали она дѣйствительно скучала бы смертельно. Однако, мнѣ пора, — прибавилъ онъ, взглянувъ на часы, — меня ждутъ въ совѣтѣ бельгійскаго общества и я едва успѣю доѣхать.

Спѣшно поцѣловавъ жену и взявъ портфель, онъ вышелъ. Анна Петровна тоже ушла изъ кабинета и по коридору направилась въ помещеніе дочери, состоявшее изъ двухъ комнатъ: розоваго будуара, наполненнаго рѣдкими

цвѣтами и драгоцѣнными бездѣлушками, и спальни. Тутъ стѣны были обтянуты бѣлымъ, мебель крыта бѣлымъ шелкомъ, а постель и туалетъ отдѣланы кружевами. Передъ большимъ зеркаломъ стояла сама хозяйка и оглядывала себя, пока горничная заканчивала ее туалетъ.

Мэри Суровцева отличалась рѣдкой красотой. Это была стройная, граціозная, какъ мотылекъ дѣвушка, съ цвѣтомъ лица матовой бѣлизны, которую еще ярче выдѣляли синеватые волосы. Она унаслѣдовала отъ матери бархатистые глаза, но у нея они были еще больше и съ инымъ выраженіемъ. Взглядъ Анны Петровны былъ ясный, веселый и спокойный, а въ темныхъ глазахъ Мэри свѣтились гордость, энергія и пылкая душа, въ глубинѣ которой должны были таиться страсти, если жизненнымъ испытаніямъ суждено будетъ пробудить ихъ. Пока, впрочемъ, это былъ наивный ребенокъ, поглощенный въ эту минуту единственно своимъ нарядомъ и съ удовольствіемъ любовавшійся своимъ плѣнительнымъ образомъ. На мгновенье мать съ любовью и гордостью взглянула на нее, а потомъ спросила:

— Еще не уѣхала, дитя мое? А ты развѣ не опоздаешь на шоколадъ къ своей подружкѣ?

— Нѣтъ, мама, у меня еще минутъ съ двадцать времени, да и M-lle Эмили не готова. Петя придетъ сказать когда автомобиль будетъ поданъ. Но ты хочешь что-нибудь передать мнѣ? Я вижу по твоимъ глазамъ, мамочка. Въ такомъ случаѣ садись здѣсь на диванъ, а я тебя слушаю.

Она придвинула табуретъ и сѣла, бережно расправляя складки платья изъ бѣлаго вышитого вуаля, но сѣла она такъ, чтобы видѣть себя въ зеркалѣ. Мэри сознавала свою красо-

ту и была не прочь всегда полюбоваться собою. Слабая и слишком снисходительная мать съ улыбкой слѣдила за ея уловками.

— Я хочу сообщить свѣжую новость, которая доставить тебѣ, надѣюсь, удовольствіе. Баронесса Козенъ предлагаетъ тебѣ провести два мѣсяца въ ея замкѣ около Ревеля, а такъ какъ у милой тети Вали порядочно скучно, то папа разрѣшилъ мнѣ за тебя принять это приглашеніе.

Глаза молодой дѣвушки радостно вспыхнули.

О! Какъ вы добры оба, папа и ты! Благодарю, благодарю! Я очень люблю тетю Валу, но, конечно, мнѣ будетъ гораздо веселѣе у доброй, очаровательной баронессы.

— Несомнѣнно! Замокъ ея, какъ говорятъ, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, даже какъ историческій памятникъ, и кромѣ того она много принимаетъ. Ты даже встрѣтишь тамъ знакомыхъ: Эрика Раутенфельда и молодого Норденскіольда, родственника барона. Оба они ухаживаютъ за тобою, и это совсѣмъ не испортить дѣла; мнѣ казалось даже, что Павелъ Федоровичъ тебѣ нравится.

Замѣтивъ, что Мэри покраснѣла, она прибавила добродушно:

— Ты знаешь, дорогая, что мы съ папой предоставляемъ тебѣ полную свободу выбора; а оба жениха — люди вполне порядочные и представляютъ прекрасную партію. Но повторяю, ты сама должна рѣшить свою судьбу.

— Милая мамочка, Эрикъ Оскаровичъ не нравится мнѣ; онъ — напыщенный, сухой и холодный, а взглядъ у него какой-то пронизывающій. Нѣтъ, нѣтъ, онъ — не герой моего романа, я предпочитаю скорѣе Норденскіольда. Хотя мнѣ кажется, что къ тому, за кого вы

ходишь, должно питать иное чувство. Какъ знать, дорогая мама? Можетъ быть, человѣкъ, которому суждено покорить мое сердце, не выступалъ еще на моемъ жизненномъ пути, — заключила она, смѣясь.

Шумное появленіе мальчика, лѣтъ тринадцати-четырнадцати, въ формѣ кадета, прервало разговоръ. Это былъ братъ Мэри, ѣхавшій съ ней на рожденіе ихъ общей подруги дѣтства. Петя объявилъ, что автомобиль у подѣзда, а m-lle Эмили готова и ожидаетъ ихъ въ прихожей.

— До свиданія, дорогіе мои. Веселитесь хорошенько, — сказала Анна Петровна, когда молодежь поспѣшно выходила, унося подарки: футляръ съ кольцомъ и коробку конфетъ.

Въ большомъ собственномъ домѣ, на Сергѣевской, баронесса Козенъ занимала цѣлый этажъ, и вечеромъ того же дня, хозяйка сидѣла въ будуарѣ, небрежно проглядывая французскій романъ.

Комната была большая и обтянута изумрудно-зеленымъ шелкомъ съ атласной того же цвѣта мебелью. Въ углубленіи, образовавшемъ фонарь и выходившемъ на улицу стояли на возвышеніи два кресла и столъ, а на немъ красовались въ хрустальной вазѣ фіалки и нарциссы, наполняя комнату чуднымъ ароматомъ. Стѣны украшали дорогія картины, а рѣдкія растенія въ большихъ японскихъ вазахъ оживляли роскошную комнату, ярко освѣщенную электрическими лампами.

Хозяйка этого прелестнаго уголка была женщина среднихъ лѣтъ, высокая и худая, но ширококостная, что придавало ея фигурѣ нѣчто увѣсистое и массивное. Лицо у нея было привѣтливое, свѣжее и очень бѣлое, а большіе темные глаза можно было бы счесть даже

красивыми, не страдалъ они отсутствіемъ выразительности, какъ и все лицо, въ которомъ не проглядывало ни ума, ни доброты, а оживлялось оно только въ минуты гнѣва. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, это была хорошенькая женщина, а пышные, ярко рыжіе волосы, составлявшіе рѣзкій контрастъ съ темными глазами, придавали что-то своеобразное, пикантное. Она была нарядно одѣта и на рукахъ, державшихъ книгу, сверкали брилліанты; но короткіе, толстые пальцы были грубы, какъ и большая, выглядывавшая изъ-подъ платья плоская нога, которая, несмотря на шелковый чулокъ и изящную туфлю изъ золотистой кожи, лишена была и тѣни чего-либо породистаго.

Впрочемъ, Анастасія Андреевна была дѣйствительно довольно темнаго происхожденія. Отецъ ея, мелкій чиновникъ какого-то министерства, обремененный многочисленной семьей и съ очень ограниченными средствами, прозябалъ чуть не въ нищетѣ. Такимъ образомъ старшая изъ дѣтей, Настя, выросла въ бѣдности, приучена была къ строжайшей бережливости и поставлена въ необходимость помогать матери какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ уходѣ за остальными дѣтьми. По достиженіи восемнадцати лѣтъ она научилась писать на машинкѣ и уже своимъ трудомъ содержала себя. Лѣтъ въ двадцать, благодаря счастливой случайности, она нашла работу у барона Козена, ученаго археолога-любителя, очень богатаго человѣка, бывшаго тогда лѣтъ тридцати шести. Какъ случилось, что Настѣ удалось возбудить страсть въ баронѣ, переслукивая на машинкѣ его ученныя писанія — осталось тайною. Но, въ результатѣ, Козенъ женился на ней, а она, даже черезъ пятнадцать лѣтъ супружества, еще не утратила вліянія на него. По-истинѣ

было изумительно, какъ могъ умный, даже ученый человѣкъ увлечься ограниченной, пошлой женщиной? Хотя не мало примѣровъ, что для возбужденія чувственности мужчины особеннаго ума отъ женщины вовсе не требуется...

Добившись, наконецъ, независимости и богатства, котораго жаждала, Настя быстро преобразилась; забывъ нищету дѣтства и юности, забывъ время, когда не на что бывало купить шляпу и приходилось закладывать въ ломбардъ тряпье, она стала швырять деньгами и покупала безъ разбора все, что попадалось на глаза. Особенно не жалѣла она ничего на туалеты; а такъ какъ въ своемъ узкомъ умищкѣ она воображала, что все дорогое должно быть непременно хорошо, то и наряды ея, несмотря на ихъ изумительныя цѣны, зачастую оставляли желать многого со стороны вкуса и изящества. Въ одномъ, впрочемъ, осталась у нея скарденность прежней бѣдности: въ мелочной придиркѣ въ расходахъ по хозяйству, которую она изъ тщеславія старалась скрыть передъ знакомыми, желая блеснуть, особенно передъ людьми менѣе обласканными судьбой.

Когда первый угаръ страсти миновалъ, баронъ вернулся къ своимъ научнымъ занятіямъ; а пресытившаяся и свыкшаяся уже съ богатствомъ Анастасія Андреевна начала скучать, находя своего «ученаго мужа» довольно скучнымъ. Наружно, однако, она выказывала серьезную любовь и неустанно рассказывала направо и налево, что мужъ — безъ ума отъ нея, а ея единственной соперницей является страсть барона къ археологіи и путешествіямъ.

Анастасія Андреевна не обладала никакими талантами; она не пѣла, не играла, не рисовала и не знала никакихъ художественныхъ.

работъ, которыми занимаются женщины свѣта. Безчисленные часы досуга она посвящала лишь заботамъ о тряпкахъ и чтенію бульварныхъ романовъ, разжигавшихъ ея воображеніе. Она стала мечтать о пикантныхъ приключеніяхъ и пожелала завести возлюбленнаго, — обычное утѣшеніе празднои женщины безъ нравственныхъ устоевъ. Однако пока ее еще удерживалъ нѣкоторый страхъ и она не рисковала осуществить свою прихоть. Первый случай къ исполненію ея затѣи представился ей благодаря одному путешествію.

Спустя около года послѣ рожденія второго ребенка баронъ отправился въ Египетъ и взялъ съ собою жену. Въ началѣ, для Анастасіи Андреевны это была настоящая пытка; невѣжественная и ограниченная, она нисколько не интересовалась чудесными памятниками и древними сокровищами земли фараоновъ и думала, что умереть со скуки. На выручку ей явилось ухаживаніе одного нѣмецкаго туриста; она затѣяла съ нимъ флиртъ, интересный уже по самой представлявшей имъ опасности и удавшійся какъ нельзя лучше. Баронъ былъ увѣренъ въ «добродѣтели» жены и занятъ муміями, а потому не видалъ, что продѣлывали живые, и ничего не подозрѣвалъ. Баронессѣ же пришлось по вкусу тайныя авантюры и она не приминула, по возвращеніи, завязать новыя интрижки. Одна изъ нихъ, впрочемъ, чуть не кончилась бѣдой, и заставила ее быть осторожниѣе впредь. Для сына, которому было тогда шесть лѣтъ, она пригласила учителя-англичанина, а для дѣвочки, молоденькую бонну французенку. Англичанинъ былъ молодъ и красивъ, а у Анастасіи Андреевны вдругъ явилось непреодолимое желаніе учиться англійскому языку. Уроки шли превосходно, пока бонна

француженка не положила имъ конецъ. Она пользовалась уже расположеніемъ англичанина и, раньше нежели тотъ понялъ, что нравился хозяйкѣ дома, сдѣлала баронессѣ такую сцену ревности, что той пришлось отказать обоимъ. Къ счастью для нея, баронъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ то время, какъ разразился скандалъ. Анастасіи Андреевнѣ пришлось быть осторожнѣе и она придумала менѣе опасную игру. Она была не умна, но хитра, особенно когда дѣло шло объ ея интересахъ. У нея были «поклонники», настойчиво ухаживавшіе за нею и безумно влюбленные въ нее; она же только потѣшалась надъ ними. Болѣе прежняго выставляла она на показъ любовь къ мужу съ дѣтми и тѣмъ заставляла молчать злоязычниковъ. Баронъ же былъ такъ наивенъ, что не вдумывался въ поведенія жены и ему не приходило въ голову поближе присмотрѣться къ «обожателямъ», сопровождавшимъ баронессу на гулянья и въ театръ. Такъ проходила жизнь и у прекрасной Анастасіи Андреевны всегда находились сострадательные люди, готовые утѣшить очаровательную молодую женщину, «одинокую и заброшенную мужемъ», который былъ всегда поглощенъ своими учеными работами.

Года за три передъ тѣмъ произошелъ нѣкій эпизодъ, положившій конецъ всѣмъ мимо-летнымъ флиртамъ и воспламенившій сердце баронессы сильной и упорной страстью.

Баронъ опасно заболѣлъ и къ нему пригласили молодого врача, уже пользовавшагося нѣкоторой извѣстностью. Онъ имѣлъ репутацію строгаго и добросовѣстнаго человѣка, врага женщинъ и легкихъ удовольствій, всецѣло предавшаго наукѣ и больнымъ. Съ перваго взгляда на доктора, баронесса была точно ошеломлена; ей

показалось, что она еще не видала никогда такого красиваго и интереснаго человѣка, а его холодная сдержанность и скользнувшій по ней равнодушный взглядъ еще болѣе взвинтили ее.

— Онъ долженъ быть моимъ. Никто не нравился мнѣ такъ, какъ онъ — въ душѣ рѣшила она.

Съ этого дня началась упорная и умѣлая атака, постепенно приближавшая ее къ намѣченной цѣли. Въ полумракѣ комнаты больного разыгрывались сцены утонченнаго кокетства; въ пеньюарахъ, превосходившихъ цѣною бальные туалеты, съ наи-трогательнѣйшимъ самоотверженіемъ проводила баронесса ночи у постели мужа, едва удѣляя время на самый необходимый отдыхъ. Когда болѣзнь казалось усиливалась, она упрашивала доктора оставаться иногда даже на ночь, и докторъ уступалъ, когда прекрасные, темные глаза, полные слезъ, устремлялись на него съ мольбой; а эти совмѣстныя бдѣнія и ужины съ глазу на глазъ сближали ихъ и устанавливали связь, которая должна была подчинить молодого ученаго.

Баронъ былъ спасенъ, и это, почти чудесное исцѣленіе сразу создало доктору извѣстность. Никого не удивляло что, хотя больной и поправлялся уже, но врачъ былъ ежедневнымъ гостемъ и свиданія съ глазу на глазъ въ будуарѣ за чайнымъ столикомъ продолжались попрежнему. Поддававшійся баронессѣ докторъ Заторскій уже засматривался на нее, а та была пуще прежняго соблазнительна въ откровенныхъ домашнихъ платьяхъ и почти не скрывала кипѣвшихъ въ ней чувствъ. Наконецъ, разыгралась рѣшительная сцена.

Однажды вечеромъ, вставшій уже съ постели баронъ приводилъ въ порядокъ, съ по-